Д-р Сет Бернстайн: украинцы составляли до 40% перемещенных лиц после войны

Почти пять миллионов советских граждан оказалось в лагерях для перемещенных лиц к лету 1945 года. 400 тысяч из них предпочли остаться на Западе, но большинство репатриировались в СССР. Сколько украинцев и евреев было среди возвращенцев, как приняла их новая старая родина, многие ли пожалели о своем решении и пытались вернуться на Запад — об этом и многом другом в интервью с приглашенным лектором магистерской программы по иудаике НаУКМА, д-ром Университета Торонто, историком Сетом Бернстайном.

— Сет, можно ли назвать процесс репатриации принудительной депортацией? Была ли возможность остаться на Западе у тех, кто этого хотел?

— Большинство искренне хотело вернуться, хотя, разумеется, солдаты РОА и другие коллаборационисты понимали, что их ждет, и намеренно сдавались союзникам в надежде, что те их не выдадут Советам. Так или иначе, когда мы говорим о принудительной депортации, это касается, в основном, военнопленных.

Нельзя отрицать — людей тянуло на родину, даже если они осознавали опасность возвращения. В июле 1941-го Иван Твардовский — брат знаменитого поэта и редактора «Нового мира» — попал в плен к финнам, в августе 1944-го бежал в Швецию, устроился на работу, но, в конце концов, добровольно вернулся в СССР, где пять лет провел в Чукотлаге.

Многое зависело от места рождения. Как правило, уроженцев стран Балтии не репатриировали, если они того не хотели. Достаточно было подойти к британскому сержанту и сказать, мол, я из Литвы или Латвии. Прибалты считались почти своими, рекламная кампания по приглашению иммигрантов в Австралию шла под лозунгом Beautiful Balts, хотя рекрутировали, в основном, украинцев. Между тем у украинцев с аннексированных Советами территорий поначалу был непонятный статус — их судьба была в руках коменданта того или иного лагеря. Впрочем, можно было сказать, что ты поляк или человек без гражданства.

Те, кому удалось остаться в западных зонах оккупации до осени 1945 года, могли не беспокоиться — им почти без проблем давали статус политического беженца.

Вместе с тем я обнаружил в российском архиве документ о целой серии похищений людей сотрудниками советской миссии по репатриации, причем, когда кампания была уже практически завершена. Домой офицеры не хотели — одни торговали на черном рынке, другие занялись сводничеством, а третьи все-таки продолжали работать «по профилю» — просто хватали людей на улице и отправляли в Союз. Приехавший с инспекцией из Москвы генерал был в ярости — в его отчете сообщается, что на счету одной группы пять подобных случаев, а другая команда похитила еще больше. К счастью, эта

охота прекратилась до того, как о ней узнали британцы.

«Украинские» марки. Лагерь для перемещенных лиц в Регенсбурге

Случались и проколы. Так была похищена дочь белогвардейского офицера — из первой волны эмиграции, которая к тому же работала в британской миссии. Осознав ошибку и ее возможную цену, офицеры напоили женщину, долго катали по городу, запутывая следы, а потом отпустили.

Гораздо драматичнее сложилась судьба другой женщины, еврейки по матери (о чем немцы не знали) с украинской фамилией. В лагере она познакомилась с одним французом, вышла за него замуж и уехала в Париж. В 1946-м ее похитили из Франции с маленьким ребенком — на протяжении 20 лет она даже не могла связаться с мужем.

— Каков был этнический состав этих пяти миллионов перемещенных лиц?

— 35 — 40% составляли украинцы, примерно столько же — русские и 20% — все остальные. В лагерях для перемещенных лиц оказались примерно 200 000 евреев из Польши, бежавших в начале войны в СССР и депортированных как социально опасные элементы в Сибирь и Центральную Азию, что, по иронии судьбы, спасло им жизнь.

Были там и советские евреи, из которых вернулись на родину по разным оценкам 10 — 12 тысяч человек. Интересно, что советское командование поначалу практически не обращало на них внимание. Правда, полковник Киреев — ответственный за репатриацию из американской зоны оккупации Австрии — отмечал, что когда в еврейском лагере был показан фильм

«Москва», зрители так зашумели, увидев на экране Сталина, что администрации пришлось их успокаивать. При этом, писал Киреев, лишь тридцать-сорок еврейских репатриантов вернулись в СССР.

В целом, конечно, вернулось намного больше — люди хотели воссоединиться с родными и близкими (о гибели которых еще не знали), да и имидж Советского Союза сразу после войны был в глазах евреев весьма привлекательным. Тот же Киреев сообщает о том, что среди перемещенных лиц ходят слухи, что СССР отправляет оружие и советников в Эрец Исраэль через Чехословакию.

— Но ведь шел и обратный процесс — многие евреи с советским паспортом воспользовались возможностью уехать в Польшу или Румынию, а оттуда в Израиль или США…

— Да, в 1945-м это было несложно. Один молодой человек из Киева, демобилизовавшись из Красной армии в 1945 году, писал, что «вернувшись домой… и не найдя никого в живых, уехал в Польшу». Некоторые вступили в брак с евреем/еврейкой из Польши и тоже получили выездные визы.

Весной 1946 года более десяти тысяч евреев из Черновицкой области получили право на выезд в Румынию.

Тем не менее 90% воспользовавшихся этими каналами в свое время имели польский или румынский паспорт. Разумеется, были исключения — так, например, советский чиновник выдал за 1200 рублей еврейскому сапожнику из Херсонской области фальшивые документы жителя Северной Буковины. Но массовым явлением этот процесс полулегальной эмиграции не стал.

Решиться на отъезд было проще молодому мужчине, потерявшему всех близких и прошедшему огонь, воду и медные трубы, как офицер-еврей из Киева. Но в целом люди, родившиеся и выросшие в СССР, не подозревающие об антисемитской кампании, которая начнется несколько лет спустя, вовсе не стремились уехать.

Более того, далеко не все, кто имел полное право на репатриацию, им воспользовались. Характерна история Иосифа Абковича, родившегося в 1922 году в польском тогда Гродно. В годы войны он прошел через концлагерь, был освобожден Красной армией, после чего не уехал на Запад или в Эрец

Израэль, а присоединился к остарбайтерам и был отправлен в рабочий батальон в одну из шахт на Донбассе. Вырвавшись, наконец, в Гродно, он обнаружил, что все его близкие погибли… За самовольный отъезд с Донбасса Абкович был арестован и осужден на небольшой срок, но после освобождения остался в СССР, хотя вполне мог восстановить свое польское гражданство, — такой вот пример польского еврея, ставшего безоговорочно советским человеком.

— Как встретили в СССР евреев-репатриантов? Их шансы спастись в годы оккупации были минимальны, что вызывало подозрения в предательстве…

— Во-первых, большинство выжили именно потому, что скрыли свое происхождение. Во-вторых, Холокост был тогда фигурой умолчания, евреев не выделяли в общей массе репатриантов.

Песах в лагере для перемещенных лиц, Фельдафинг, Германия

Вместе с тем надо отметить, что из 4,2 млн советских граждан, вернувшихся из-за границы, были арестованы 6,5% — главным образом, бывшие военнопленные, среди которых был репрессирован каждый шестой. Среди

гражданских лиц аресту подверглись примерно 1-2% репатриантов, но практически ко всем вернувшимся «оттуда» относились с настороженностью, видя в них если не пособников нацистов, то людей, благополучно переживших годы войны, когда страна истекала кровью.

С одной стороны, с репатриантами боялись общаться, подозревая, что те на крючке у НКВД, с другой — безжалостно их эксплуатировали, пользуясь беззащитностью вновь прибывших. Это начиналось еще в советской зоне оккупации, где женщин склоняли к сожительству, и продолжалось в СССР, когда репатриантов отправляли на самые тяжелые и грязные работы.

Была и простая зависть к тем, кто вкусил западной жизни, — в архиве есть свидетельство об инциденте с молодой репатрианткой, надевшей на рынок шляпку и вуаль, привезенные из Германии. В отчете утверждалось, что местные колхозники обрушили на нее град проклятий, и офицеру НКВД даже пришлось сопровождать репатриантку до дома, спасая от расправы.

— Что ждало семьи, образовавшиеся в годы войны? Наверняка часть остарбайтеров нашли себе пару среди граждан оккупированных стран или даже немцев …

— Их было больше, чем мы можем себе представить. Глава Управления по делам репатриации генерал Голиков докладывал Берии, что 20 000 (!) советских женщин вышли замуж только за французов. Советские офицеры, посещавшие лагеря для перемещенных лиц в Нидерландах, обнаружили, что большинство женщин, содержавшихся там, были замужем за голландцами.

Как правило, семью старались не разрушать, даже если речь шла о гражданских браках, поэтому пару либо старались вернуть в СССР, либо оставляли в покое. Впрочем, уже в 1947-м в СССР был принят закон, запрещавший браки с иностранцами, ставший причиной многочисленных трагедий.

— Примерно треть перемещенных лиц, оставшихся на Западе, были выходцами из Украины. А сколько предпочли вернуться после войны в УССР?

— К началу 1948 года в Украине насчитывалось 1,2 млн репатриантов, но мало кто знает о второй украинской волне репатриации **—** в середине 1950-х, после

смерти Сталина. Большинство возвращенцев были гражданами Аргентины и других стран Южной Америки, покинувшими Западную Украину в 1920-е — 1930-е годы. Их даже сложно назвать репатриантами, поскольку они никогда не имели советского подданства. Причины возвращения были у каждого свои: одни мечтали снова увидеть родную землю, радуясь, что «железный занавес» слегка приоткрылся. Другие бежали от экономического кризиса в Аргентине. Были и идеологические репатрианты — коммунисты, опасавшиеся возвращаться при Сталине, но воодушевленные «оттепелью». Один из них — приехавший из Буэнос-Айреса в свою родную деревню на Волыни — А. Член Коммунистической партии Западной Украины он бежал в Южную Америку в 1937-м из-за репрессий польских властей. В эмиграции А. собирал информацию о деятельности украинских националистических организаций, передавая эти сведения в НКВД. Это не единичный случай — подобные эпизоды хорошо задокументированы, поскольку именно среди таких репатриантов КГБ набирал информаторов.

— Многие были разочарованы новой старой родиной? Сколь часты были попытки легально вернуться на Запад?

— Разумеется, советские реалии многих шокировали. В 1946 году репатриант, осевший в Умани, писал другу во Францию: «Нет еды, нет одежды ...Не задавай вопросов — наша жизнь ужасна ...Я совершил большую ошибку».

Еще острее бытовые проблемы воспринимали семьи, где один из супругов был европейцем. Паре из Бельгии, переехавшей в Киев в ноябре 1955 года, горсовет выделил квартиру в новом доме, но они сетовали, что разместить на 22-х квадратных метрах мебель, привезенную из четырехкомнатной квартиры в Бельгии, просто невозможно.

К проблемам репатриантов из Южной Америки добавлялось и плохое знание русского языка — часто это были молодые люди, говорившие лишь по-испански. Один такой реэмигрант писал отцу в Аргентину: «Мы спешим вернуться на родину — пусть там даже в два раза хуже, чем было, это не может сравниться с нашей нынешней ситуацией».

Переписка, разумеется, перехватывалась КГБ, хотя репатрианты часто писали по-испански, наивно полагая, что это защитит письма от перлюстрации. Наиболее осторожные, впрочем, передавали весточку о себе морякам

иностранных судов, заходивших в одесский порт.

При всем этом лишь 1 — 2% обращались в посольство Аргентины или других стран исхода, пытаясь вернуться, остальные боялись заявить об этом вслух. Многие утверждали, что перепутали паспорт с визой на въезд, мол, мы хотели лишь посетить СССР, а не остаться там навсегда. Традиционной была ссылка на тяжелый климат в Украине, хотя чиновники прекрасно понимали, что погода здесь не при чем.

В итоге отпустили примерно половину просителей — в ряде случаев — во избежание международного скандала, а для многих ценой возвращения стало сотрудничество с КГБ.

Отправление репатриантов на родину

— Нашла ли тема перемещенных лиц и репатриантов отражение в кино и литературе?

— Весьма скромное, ведь всю сложность и многогранность судеб этих людей пытались свести к двум моделям поведения — жертв и борцов. Один из первых, весьма схематичных, образов репатриантов в кино — угнанная в немецкий плен Наташа, которая в «Падении Берлина» встречается в День Победы со своим возлюбленным Алексеем.

В том же 1949-м году на экраны СССР вышел еще один фильм — «У них есть Родина», снятый по пьесе Сергея Михалкова «Я хочу домой». Это, пожалуй, единственная советская картина, целиком посвященная проблеме репатриации.

Сюжет повествует о том, как советские офицеры пытаются вернуть домой советских детей, удерживаемых британцами в своей оккупационной зоне Германии.

Генерал Голиков

Работая в архивах, я наткнулся на стенографические отчеты переговоров между британскими и советскими военными о репатриации детей — граждан СССР. Судя по фильму, Михалков писал сценарий явно на основании этих документов. В картине все благополучно возвращаются на родину, на самом

деле британцы вернули лишь маленьких детей, подростки же сами определяли свою судьбу. И в сохранившейся стенограмме, и в фильме есть патетический монолог советского офицера, только в реальности мальчик, к которому он был обращен, отказывается возвращаться в СССР — я, мол, привязался к немецкому отчиму, учусь в хорошем техникуме и т.п. В этом отличие реальной жизни от пропаганды, и это очень неудобная правда…

Беседовал Александр Файнштейн